

государственном законодательстве, а на более человеческих нормативах – нравственности, религии, наставлениях старшего поколения, примерах подвижничества, обычаях, традициях, поговорках, пословицах и т. д.

3. Человекомерность правового регулирования можно рассматривать лишь как средство умаления государственного влияния на личную и общественную жизнь. Однако это невозможно без опоры на консервативные идеалы цивилизации (спасение личности не в борьбе с классическим правоведением и нравственно-религиозными ограничениями, а в союзе с ними против эгоистического поведения власти, тем или иным образом присвоившей бразды правления).

4. Кризиса классической этики нет, есть перманентные и заведомо негодные (проигрышные) попытки превзойти ее новодамами (ремейками) и политическими подделками (временные виктории политических ориентаций). Содействует данным устремлениям и тот парадокс, что индивид эволюционирует медленнее, нежели социальная организация, но вот консервирует мир как раз общественный, а не личный интерес (последний разъедает общежитие).

5. Р. Паунд как-то назвал представителей догматической школы юридическими монахами [цит. по: 16, с. 173], что наверняка справедливо. Однако еще вопрос в том, какие монахи худшие – сохраняющие мир юридические или постоянно подстрекающие его к переменам политические – и в каких отраслях права (знания) предпочтительнее те или другие? Выскажем предположение, что догматическое направление должно побеждать преимущественно в «чернорабочих» отраслях юриспруденции, ежедневно и зримо работающих в присутствиях, а к ним бесспорно относится уголовное право. А. Бебель утверждал, что «все юристы – реакционеры». Этим можно, пожалуй, и гордиться, ведь юрист обслуживает все сферы жизни, в силу чего вынужден божиться на среднестатистического обывателя и стационарный текст закона. В силу это догматика и ставка на общественный интерес в юриспруденции есть классика, которая гарантирует мир *всем*, но не удачу и счастье *избранным*. Эволюция предпочтительнее революций.

1. Pound R. Criminal justice in America. Cambridge ; Massachusetts : Harvard Univ. Press, 1945.

2. Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. – СПб. : Гос. тип., 1890. Вып. 3.

3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М. : Стелс-БИМПА, 1995.

4. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. М. : Юрист, 1998.

5. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. М. : Правда, 1984.

6. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М. : Юрид. лит., 1985.

7. Российское государство и право на рубеже тысячелетий // Государство и право. 2000. № 7.

8. Кряжков А.В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10.

9. Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. 2002. № 9.

10. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6.

11. Чиркин В.Е. Общечеловеческие ценности, философия права и позитивное право // Право и политика. 2000. № 8.

12. Никулин С.И. Уголовный закон и частный интерес : лекция. М. : УМЦ МВД России, 1994.

13. Христианство. Государство. Право: к 2000-летию христианства. М. : МНЭ-ПУ, 2000.

14. Бентам И. Исследование об основах морали в законодательстве // Избр. соч. СПб., 1867. Т. 1.

15. Russel B. Human Society in Ehtis and Politics. L., 1954.

16. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М. : Статут, 2000.

УДК 343.2

Э.А. Саркисова, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, профессор кафедры уголовного права Академии МВД Республики Беларусь

ЭТИКО-ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ПРАВА: РЕАЛИИ И ТЕНДЕНЦИИ

Категория «гуманизм» имеет богатую древнюю историю. С ним связывались чаяния философов, просветителей, историков, деятелей культуры, искусства, озабоченных определением места и значения человека в обществе, его совершенствованием как цивилизованного феномена, универсального предмета научного познания и анализа.

Сам по себе гуманизм был наиболее привлекателен для исследований в различных направлениях, поскольку он овеществлял прежде всего проблему статуса человека в обществе, уважения его прав и достоинства, проявление милосердия, доброты, призывов пробуждения добрых чувств и милости к падшим в жестокие века.

Сегодня гуманизм как результат эволюции научного познания человека трактуется в различных смысловых вариациях, объединяемых при-

знанием человека высшей ценностью. Это и общее понимание гуманизма, основанного на латинском термине *humanus*, означающем человеческий, человечный, это и признание ценности человека в обществе как личности, это и мировоззренческая идея, и мировоззренческое течение в культуре, и теория и практика идеологического воззрения и т. д.

Существование идеи гуманизма предопределило значение термина «гуманность», которую, как правило, определяют как человечность, милосердие, уважение достоинства человека, заботу об обеспечении всех его прав и свобод.

Применительно к конкретным сферам жизни общества гуманизм стал трактоваться как один из составляющих систему принципов.

Такой подход свойствен и праву. В современных условиях развития нашего общества мы, пожалуй, не найдем ни одной правовой сферы, которая бы не обозначала в качестве принципа своего функционирования гуманизм. Более того, он получает и законодательное закрепление: он официально зафиксирован в уголовном законе.

Что касается теории, то гуманизм всегда был предметом внимания со стороны исследователей. В советский период эта тема была привлекательна с точки зрения констатации гуманистической направленности социалистического уклада и соответствующих его структур, что обуславливалось идеологией отравляемого сознания, когда в него внедрялось убеждение в том, что как сам социалистический строй, так и все его институты и структуры являются самыми гуманными в мире. Естественно, уклон делался на демонстрационный показ всего гуманистического и противопоставление его буржуазным институтам. Особенно это касалось уголовного права, когда поисками его гуманных начал как бы оправдывалось истинное положение в праве, связанное с массовыми репрессиями невинных граждан, которое сложилось в 30–40-х гг. XX в. и «отрывка» которого еще долгие годы витала в правоохранительной практике Советского государства. Но в 60–70-х гг. прошлого столетия многие ученые и не владели полной и достоверной информацией о жестокости и беспределе власти, а идеология социализма не позволяла представлять его в негуманном свете.

Но и тогда гуманизм не сводился лишь к человеческому отношению к преступнику. Четко обозначалась и его другая грань, характеризующая гуманное отношение к человеку как наивысшей социальной ценности, требующей полноценной охраны его безопасного существования.

Но были и сторонники однозначной оценки содержания гуманизма в уголовном праве, рассматривавшие его только в рамках отношения к преступникам (гуманизм ответственности). Она не нашла своего отражения в законодательстве. Сущность законодательного понятия гуманизма в соответствии с УК Республики Беларусь состоит в следующем:

1) уголовный закон служит обеспечению физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека; 2) лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления. Наказание и иные меры уголовной ответственности не имеют своей целью причинение физических страданий либо унижение человеческого достоинства.

Подобное содержание принципа гуманизма с непринципиальными особенностями зафиксировано и в УК некоторых других государств постсоветского пространства, в частности России, Армении, Молдовы, Азербайджана, где, как и в УК Беларуси, обозначены две его стороны. Однако в УК ряда других государств зафиксирована лишь одна сторона принципа гуманизма, выражающая характеристику отношения к лицу, совершившему преступление (ст. 3 УК Туркменистана, ст. 7 УК Узбекистана). В УК Казахстана данный принцип является одним из составляющих общих начал назначения наказания (ч. 2 ст. 52 УК). В УК Кыргызстана гуманизм хотя и назван в числе его принципов, но понятие этого принципа не раскрывается. Следует отметить, что ряд постсоветских государств вообще отказались от законодательного фиксирования принципов уголовного закона, в том числе и гуманизма. Это относится к Грузии, Эстонии, Литве, Латвии.

Современные ученые, рассматривая принцип гуманизма в уголовном праве, чаще всего трактуют его содержание с точки зрения законодательных формулировок. В иных случаях основываются на этико-философских воззрениях на его смысл. При этом, рассматривая двойственный характер гуманизма, по-своему наполняют его содержание, стараясь как можно больше оттенить моментов в уголовном праве, выражающих именно этот принцип.

Начнем с так называемой второй стороны гуманизма, т. е. гуманного отношения к лицу, совершившему преступление. Наполнение содержания этой стороны гуманизма различными авторами происходит по-разному, но большинство сходятся на отнесении к формам его выражения предоставления законом широких возможностей для применения мягких видов наказания, отказа от возмездия как цели уголовной ответственности (наказания), строгих ограничений для применения смертной казни и пожизненного заключения, установления более мягкого подхода к ответственности несовершеннолетних, наличия институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания, отказа от цели причинения преступнику физических страданий или унижения человеческого достоинства. Ряд авторов рассматривают в качестве главного содержательного момента гуманизма экономии применения карательных мер (экономии репрессии).

Анализ норм Общей части УК Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что большинство этих норм характеризуется гуманистическими началами. Это и правило об обратной силе уголовного закона (ч. 2 ст. 9), и положение о ненаказуемости приготовления к преступлению, не представляющему большой общественной опасности (ч. 2 ст. 13), и институт добровольного отказа от преступления (ст. 15), и дифференциация ответственности соучастников (ст. 16, ч. 1 ст. 66), и установление сравнительно высоких возрастных пределов уголовной ответственности (ст. 27), и признание смягчающими обстоятельствами состояния уменьшенной вменяемости и аффекта (ст. 29, 31). Нормы, непосредственно относящиеся к мерам уголовной ответственности и их назначению, еще более подтверждают гуманистический подход к определению судьбы лица, виновного в совершении преступления. Это и превалирование в системе целей уголовной ответственности цели исправления (ч. 2 ст. 44), и закрепленная вариативность мер уголовной ответственности (с карательным содержанием и без такового) (ст. 46), и превалирование в системе наказаний таких видов, которые не связаны с лишением свободы (ст. 48), и ограничение для судов в части назначения лишения свободы (ч. 2 ст. 62), и огромный, притом не исчерпывающий перечень обстоятельств, смягчающих ответственность (ст. 63), и нормы, предоставляющие возможность реального смягчения наказания (ст. 69, 69¹, 70), и, как уже было сказано, нормы, закрепляющие институты освобождения от уголовной ответственности и наказания (ст. 82–96), а также особый (более мягкий) подход к лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет (ст. 108–121).

Это далеко не полный перечень так называемых милосердных норм. Об их недостаточности говорить не приходится. Скорее, имеет место их избыточность, что явно вступает в противоречие с первой (на наш взгляд, главной) стороной принципа гуманизма.

В законе она сформулирована достаточно лаконично: «Уголовный кодекс служит обеспечению физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека». Но в данном положении прослеживается широкий ее диапазон. По сути, все, что причиняет существенный вред человеку или представляет угрозу его безопасности, признается преступлением с установлением соответствующих санкций в зависимости от значимости правоохраняемых человеческих ценностей (жизнь, здоровье, свобода, половая свобода и половая неприкосновенность, достоинство, права и интересы). И здесь, как верно подмечают российские ученые, речь идет не только о потерпевших от преступления, уголовный закон охраняет права и законные интересы всех без исключения лиц, а в случае их нарушения обеспечивает защиту пострадавших от преступления [1, с. 146]. Но насколько интересы

потерпевших защищаются уголовным законом, этот вопрос требует особого исследования. На наш взгляд, его решение находится в первоначальной стадии. Более того, вряд ли можно считать, что в процессе осуществления правоприменительной деятельности речь должна идти о гуманном отношении и к потерпевшему, и к лицу, совершившему преступное деяние, как полагает В.Д. Филимонов [2, с. 123]. Ведь потерпевший оказался не защищенным от преступления и в отношении его на первый план выступает принцип справедливости. Что касается указанного выше законодательного положения, раскрывающего главную сторону гуманизма, то оно представляется несколько декларативным, если соотнести его с конкретными положениями УК и практикой их применения. Речь идет в первую очередь о преступлениях против человека, объединенных в разд. VII (гл. 19–23). Оценку того, насколько обеспечена охрана человека, вероятно, следует делать посредством анализа как диспозиций, так и санкций Особенной части УК, наличие и применение которых призвано обеспечить охранительную и предупредительную функции уголовного права. На примере анализа и практики применения норм Особенной части УК можно провести и сопоставление обеих сторон гуманизма в части их пропорционального (или приоритетного) обеспечения. Представляет интерес и сопоставление указанных санкций с санкциями, установленными за иные преступления, непосредственно не посягающие на общечеловеческие ценности.

Если обратиться к анализу норм, предусматривающих ответственность за преступления против человека, то можно отметить, что их диспозиции в основном можно признать оптимальными в части постановки под уголовно-правовую охрану человеческих ценностей. И здесь соблюдается иерархия ценностей в зависимости от значимости правоохраняемого объекта. Оценка санкций рассматриваемых норм представляет несколько иную картину. Применим для этого критерий использования законом наказания в виде лишения свободы и его сроки.

Всего санкций, содержащих указание на лишение свободы, в разд. VII – 95, что составляет 72,2 % общего количества санкций данного раздела. В связи с этим можно заключить, что первая сторона гуманизма реализуется достаточно высоко. При этом лишение свободы без указания на минимальный предел предусмотрено в 54,7 % санкций этого раздела, что позволяет судам назначать данный вид наказания на срок ниже 1 года. Все остальные санкции содержат указание на минимальные пределы лишения свободы: 1 год – 8,4 %, 2 года – 3,2 %, 3 года – 12,7 %, 4 года – 1,1 %, 5 лет – 10,5 %, 6 и 7 лет – по 2,1 %, 8 лет – 4,2 %, 10 и 12 лет – по 1,1 %.

Таким образом, установленные пределы лишения свободы позволяют варьировать на практике этим наказанием, обеспечивая реализацию как первой, так и второй стороны гуманизма. Но определить, гу-

манен или не гуманен уголовный закон в части использования рассматриваемого наказания, весьма проблематично.

Аналогичное положение наблюдается при анализе санкций, установленных за посягательства на собственность, в сравнении с санкциями, установленными за посягательства на человека. Из 41 санкции норм, содержащихся в гл. 24 УК Республики Беларусь, лишение свободы предусмотрено в 36, что составляет 88,7 %. Здесь мы скажем, что право собственности, а оно относится и к правам человека, защищается оптимально. Это касается и тех статей, в которых установлены минимальные пределы этого наказания (2 года – 22 %, 3 года – 25 %, 5 лет – 8,3 %, 6 лет – 5,5 %, 8 лет – 2,7 %). Но 36 % санкций содержат указание на лишение свободы без его минимального предела. В этом случае мы можем говорить о гуманизме по отношению к преступнику, тем более что в 21 санкции (т. е. более половины) предусмотрены и другие более мягкие наказания (в альтернативе с лишением свободы – 85,7 % или без такой альтернативы – 1,5 %).

Если же сравнивать приведенные санкции с санкциями, предусмотренными за преступления против человека, то в отдельных случаях наблюдаются парадоксы. Например, в УК Республики Беларусь за хищение путем использования компьютерной техники, совершенное при отягчающих обстоятельствах, установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 15 лет (ч. 4 ст. 212). Такое же наказание установлено за убийство (ч. 1 ст. 139). И здесь явное несоблюдение баланса охраны наивысшей ценности, каковой является жизнь человека, и собственности. Можно вспомнить и недалекую историю, когда хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах наказывалось лишением свободы на срок от 10 до 15 лет или смертной казнью. И тогда, вероятно, можно было говорить о гуманизме уголовного закона, который с такой строгостью защищал социалистическую собственность как экономическую основу жизнедеятельности государства и, конечно, каждого человека в отдельности.

Но обратимся к практике. Как защищается, например, самое ценное благо – жизнь человека? По данным судебной статистики Республики Беларусь, в 2013 г. за убийство без отягчающих обстоятельств по ч. 1 ст. 139 УК (санкция – лишение свободы на срок от 6 до 15 лет) были осуждены 180 человек. Из них на срок свыше 5 до 8 лет были осуждены 74 человека, свыше 8 до 10 лет – 57 и свыше 10 до 15 лет – 47 человек. При этом один убийца был приговорен к ограничению свободы. Таким образом, 41 % обвиняемых в убийстве были назначены сроки в минимальных пределах.

Такой подход обесценивает величайшее человеческое благо, каковым является жизнь, вырабатывает привычку в снисходительном отношении к убийцам, обыденность к самому факту лишения жизни человека. Но этот подход опять же обусловлен противоречивостью, заложенной в самом законе. С одной стороны, как это зафиксировано в ст. 24 Конституции Республики Беларусь, государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств, а с другой – такая защита может выразиться в применении лишения свободы на такие сроки, которые могут быть назначены за любое другое преступление, не связанное с убийством, поэтому гуманизм закона здесь видится как раз в ужесточении ответственности за умышленное лишение жизни человека. Можно было бы использовать в таком случае и абсолютно-определенную санкцию: например, установить за убийство по ч. 1 ст. 139 УК лишение свободы сроком на 15 лет, а при смягчающих обстоятельствах – на срок от 10 до 15 лет.

По ч. 2 ст. 139 УК (санкция: лишение свободы на срок от 8 до 25 лет, пожизненное заключение или смертная казнь) за убийство при отягчающих обстоятельствах были осуждены 154 человека. Из них к лишению свободы на срок свыше 3 до 5 лет – 1 человек, свыше 5 до 8 лет – 2, свыше 8 до 10 лет – 9, свыше 10 до 15 лет – 59, свыше 16 до 25 лет – 79 человек. К пожизненному заключению и смертной казни осуждены по 2 человека. Таким образом, и за это особо тяжкое посягательство на жизнь человека 71 виновный (почти половина) получил наказание в пределах 15 лет лишения свободы. В этом случае практика продемонстрировала гуманизм уголовной ответственности, но не гуманизм закона, установившего в целях защиты жизни человека наистрожайшие наказания. Предложение об ужесточении санкции за это преступление можно распространить и на ч. 2 ст. 139 УК: лишение свободы на срок 25 лет, а при наличии смягчающих обстоятельств – на срок от 15 до 25 лет, соответственно сохранив в санкции и исключительные наказания.

Приведенные примеры подтверждают и мнение ряда авторов о внешне противоречивом характере принципа гуманизма [3]. В таком случае возникает вопрос: следует ли закреплять в законе принцип, содержательные стороны которого противоречат друг другу?

Однако, на наш взгляд, это противоречие вытекает лишь из неправильной расстановки его составляющих. В настоящее время согласно ст. 3 УК данный принцип относится к принципам уголовного закона и уголовной ответственности. Но вряд ли такое соединение можно считать оправданным.

Уголовный закон, имеющий и задачу общей превенции, сам по себе может и, пожалуй, должен быть достаточно строгим (конечно, в допустимых пределах). Сегодня преступность приобретает все более жестокие

формы, бороться с которой лишь гуманными мерами не представляется возможным. Правомерно ли их применять в условиях распространения педофилии, наркобизнеса, активизации террористических выпадов и т. д.? Например, в некоторых странах для борьбы с педофилами признается приемлемой такая форма воздействия на них, как стерилизация. В борьбе с особо тяжкими посягательствами на жизнь человека используются, хотя и в ограниченных пределах, исключительные наказания – смертная казнь и пожизненное заключение. Примером резкого ужесточения ответственности за преступления, связанные с наркотиками, явилась инициатива Президента Республики Беларусь, обозначенная в принятом 28 декабря 2014 г. Декрете № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков».

На ужесточение преступности соответственно реагирует и судебная практика. Например, в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом возросло с 23 до 27 % количество лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы. По мнению председателя Верховного Суда Республики Беларусь В.О. Сукало, такой же должна быть реакция на возможные будущие вызовы и изменения общей криминологической ситуации [4].

Подобные вызовы и угрозы обуславливают усиление строгости законов и мер, объективно оправданных именно гуманизмом по отношению к человеку и обществу, в котором он находится. Однако в таких случаях он обязательно должен выступать в связке с принципом неотвратимости ответственности, балансируя при этом с ним на весах справедливости.

Как показывает развитие уголовного законодательства, в нашей стране с момента принятия УК 1999 г. его ужесточение происходило не реже, чем смягчение. И этот процесс будет предопределяться не только состоянием и характером преступности, но и в определенной мере мнением общества, настроенного в целом на сохранение и защиту сложившихся морально-нравственных ценностей. Об этом свидетельствуют и последние события, связанные с уголовным делом об убийстве Юлии Соломатиной. И что характерно, возмущение общественного мнения вызвало не только само убийство молодой девушки, но и особенно надругательство над ее телом, совершенное убийцей и его матерью в целях сокрытия преступления. В СМИ посыпались письма, требующие усилить ответственность за это преступление, как за особо циничное, попирающее наши моральные принципы злодеяние.

Общественное мнение явилось инициатором криминализации жестокого обращения с животными, которое как преступление было декриминализовано с принятием УК 1999 г. Вообще сам процесс криминализации, существенно преобладающий над декриминализацией, тоже является показателем ужесточения уголовного закона. С указан-

ного периода по настоящее время в сферу уголовно-правовых запретов включено 18 общественно опасных деяний, декриминалировано же в самом незначительном объеме.

В рассматриваемом контексте имеет смысл обратиться к термину «гуманизация». Он применяется при характеристике как уголовного закона, так и практики его применения. По своей сути гуманизация, как правило, сводится к смягчению ответственности и характеризует процесс. Применяется этот термин в тех случаях, когда есть необходимость в сравнении ранее действовавших норм с ныне действующими, а также при определении тенденций развития то ли уголовного закона, то ли уголовной политики в целом. При этом никто не позволяет себе применить данный термин к процессу ужесточения закона, уголовной ответственности. В таких случаях как бы игнорируется (остаётся в тени) первая сторона гуманизма.

В связи с этим, на наш взгляд, нельзя соединять в единое целое принципы уголовного закона и принципы уголовной ответственности. Особенно это касается гуманизма. Если согласиться с действующим статусом данного принципа, то придем к тому, что любой ужесточающий закон, несмотря на формы и способы воздействия на преступность, следует признавать гуманным. Ограничиваться же тем, что предлагает, например, российский ученый В.В. Мальцев, т. е. взвешенно подходить к человеку как объекту и уголовно-правовой охраны, и уголовно-правового воздействия [5, с. 275], вряд ли достаточно, чтобы дать истинную и полноценную оценку принципа гуманизма, в том числе и его реального проявления.

Все сказанное склоняет нас больше к тому, что правы те авторы, которые рассматривают гуманизм применительно к уголовной ответственности. Еще в начале реформирования советского уголовного законодательства С.Г. Келина, признающая односторонний характер принципа гуманизма, сформулировала его содержание следующим образом: лицу, совершившему преступление, должно быть назначено минимальное наказание или иная мера уголовно-правового воздействия, необходимая и достаточная для его исправления и предупреждения новых преступлений. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия не имеют своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства [6, с. 28]. В этой связи более приемлемы подходы тех законодателей, которые гуманизм включают как составляющую общих начал назначения наказания. Что касается так называемой первой стороны гуманизма, то она и без ее детализации очерчивается в ст. 2 УК, посвященной задачам УК, основой для формулирования которой явились положения ст. 2 Конституции Рес-

публики Беларусь о том, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Данное положение как олицетворение гуманизма следует рассматривать в качестве аксиомы, не пытаясь высвечивать ту или иную его сторону. При этом создатели Конституции не ставили задачу разъяснять, в чем состоит понятное для всех содержание принципа гуманизма. Обеспечение же физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека нам видится не в аспекте того, чему служит уголовный закон, как это сказано в ч. 7 ст. 3 УК, а как важнейшая задача уголовного закона, решение которой возможно и с использованием негуманных (в привычном представлении этого слова) способов и средств.

Касаясь же самого факта закрепления в законе принципов, в том числе и гуманизма, ученые считали, что они как общеобязательные нормы (нормы-принципы) призваны оказывать воздействие на граждан, органы, применяющие нормы уголовного права, а отчасти и на законодателя [6, с. 16]. По нашему же мнению, принцип гуманизма должен в первую очередь (а не отчасти) оказывать воздействие на законодателя и, конечно же, на правоприменительную практику, осуществляемую на основе норм уголовного законодательства, сформулированных с учетом данного принципа.

Такая позиция достаточно четко сформулирована белорусским ученым И.О. Грунтовым, считающим, что зафиксированные в законе принципы не должны оставаться лозунгами (декларациями), а должны иметь свою непосредственную реализацию в самом законе и в практике его применения [7, с. 3–4].

Дополняя эту идею, отметим, что каждой отрасли права присущи свои конкретные принципы, в соответствии с которыми она функционирует. Закрепление в законе общеправовых принципов, вероятно, не вызывается необходимостью.

1. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых государств. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 297 с.

2. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М. : Центр Юр ИнфоР, 2002. С. 123.

3. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. Минск. : Тесей, 2002. С. 26 ; Абызов Р.М. Принцип гуманизма применительно к личности в уголовном праве и законодательстве // Алт. юрид. вестн. 2013. № 3. С. 50–53 ; Бойко А.И. Задачи и принципы Уголовного кодекса РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Бойко. Ростов, 1996. С. 43–44.

4. Справедливость для всех : интервью с В.О. Сукало // Совет. Белоруссия. 2015. 10 февр. С. 7.

5. Мальцев В.В. Принципы уголовного права // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. СПб. : Изд. проф. Малинина, 2005. 695 с.

6. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М. : Наука, 1987. 277 с.

7. Грунтов И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве. Минск : Тесей, 2012. 366 с.

УДК 343.2 + 343.3/7

В.В. Марчук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК КОГНИТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ КВАЛИФИКАТОРА В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ КРУГЕ

В герменевтической традиции понятие «герменевтический круг» отражает специфику процесса понимания, которая состоит в повторяющихся циклах понимания. Этот подход первоначально формировался в рамках теологической герменевтики, в которой круговая схема понимания представлялась в форме взаимозависимости веры и понимания сакрального текста: вера – необходимое условие понимания Священного Писания, но и для веры необходимо его понимание.

В классической форме как круговая ритмика «части и целого» герменевтический круг был объяснен в логических операциях Ф. Шлейермахера. В работе «Диалектика» он отмечал, что неполное суждение (то, которое образуется из неполных понятий) предполагает дедукцию, а полное – индукцию. С позиции самого суждения неполное синтетично, а полное аналитично. Понятия и суждения могут быть как истинными, так и ошибочными. Образование суждений начинается со схематического процесса и продолжается вплоть до наличного бытия собственного понятия. На этой ступени уже возможны ошибки как для понятий, так и для суждений. Данный процесс суждений индуктивен. И наоборот, результатом процесса дедукции служит не понятие или суждение, а формула, которую уже нельзя оценить с позиции истинности или ложности. Взаимное проникновение формулы и схемы дает полное понятие [1, с. 168]. Используя этот подход в образовании суж-